

КОЛЛЕГИ О Ю.Ю. КАРПОВЕ

**Ю.М. Ботяков, к.и.н., снс отдела этнографии
Кавказа МАЭ РАН**

С Ю.Ю. Карповым я познакомился в 1981 г., когда он, аспирант Л.И. Лаврова, работал над своей диссертацией в отделе Средней Азии, Кавказа и Казахстана. Как и у моих коллег, у меня остались воспоминания о человеке, с которым мы проработали долгие годы в одном отделе. Некоторыми из них, быть может не столь значительными, но, как мне кажется, важными в понимании сути этого человека, мне хотелось бы поделиться.

В связи с уходом из жизни Л.И. Лаврова Юрию Юрьевичу пришлось заканчивать свою работу под руководством В.К. Гарданова. Вспоминая о работе с ним, Ю.Ю. Карпов рассказывал следующий эпизод. Отдав свою рукопись на прочтение, он получил ее испещренную пометками. В первый момент, смеялся Карпов, это задело самолюбие, но затем он оценил кропотливый труд, проделанный для его же пользы этим человеком, внимательнейшим образом проработавшим текст. В дальнейшем подобный стиль работы стал характерным и для самого Ю.Ю. Карпова: многочисленные тексты диссертаций, приходивших из различных регионов Кавказа, прорабатывались им самым добросовестным образом.

Еще один эпизод, говорящей уже о его научной чистоплотности: став, по сути, первым исследователем дагестанского праздника Игби, Юрий Юрьевич всегда подчеркивал, что его внимание к нему привлек А.И. Азаров, с которым он совершил одну из своих экспедиций в аул Шаитли. Лично мне пришлось совершить лишь одну совместную экспедицию, в которой я отметил такую характерную для Ю.Ю. Карпова особенность проведения полевых исследований: по окончании работы на месте, где уже были установлены контакты с людьми и налажен быт, он обычно ехал дальше, максимально используя время для сбора материала.

Еще одна примечательная деталь, связанная с моим личным опытом. Придя в отдел Кавказа из отдела Средней Азии, я сразу же

получил от Юрия Юрьевича подарок: именно он предложил мне разработку темы «абреки». К тому времени он уже завершал свою книгу «Джигит и волк», и разработка темы, связанной с абречеством, могла стать логическим продолжением этого труда. Однако как руководитель отдела Ю.Ю. Карпов думал о коллегах, работающих рядом с ним. И последнее, на что я хотел бы обратить внимание, — это его особенность радоваться успехам других как своим собственным.

**М.С.-Г. Албогачиева, к.и.н., снс, и.о. зав. отделом
этнографии Кавказа МАЭ РАН**

Одни люди появляются в нашей жизни и исчезают, не оставив никакого следа, но есть личности, которые оставляют после себя яркий и незабываемый след. К числу последних относится Ю.Ю. Карпов. Наше знакомство состоялось в мае 2000 г. на Лавровских чтениях в Кунсткамере. На тот период жизни я имела базовое педагогическое образование и работала над сбором материала по генеалогии своей семьи и истории ингушского народа. Но это были изыскания не профессионального исследователя, а просто любителя. Юрий Юрьевич проявил живой интерес к моей персоне и к тому, что я делаю на этом поприще. Он рассказал мне о своей экспедиционной поездке в Ингушетию и о привезенных им фотоматериалах, которые заняли достойное место в фотоиллюстративных коллекциях МАЭ. Он тепло отзывался о своей поездке и делился своими впечатлениями об увиденном и услышанном. Возможно, эти впечатления, в какой-то мере и способствовал тому, что я стала соискателем и позже сотрудником отдела этнографии Кавказа, которым он руководил. Все последующие годы мне довелось быть свидетелем того, как он бескорыстно помогал и направлял в нужное русло всех исследователей, которые обращались к нему как к известному кавказоведу. И что примечательно, он со всеми людьми был одинаково приветлив и любезен, независимо от их социального и интеллектуального уровня. Он был готов помочь любому человеку.

Юрий Юрьевич был отличный полевик, он оставил после себя множество книг и статей, написанных с привлечением экспедиционных материалов. В последние годы наряду с полевыми исследованиями он стал активно заниматься поиском архивных материалов, касающихся государственного строительства в 20—30-е годы прош-

лого столетия. Он привозил очень много архивных материалов, с которыми работал сам и щедро делился с коллегами. Каждый исследователь, работавший в архивах, знает насколько это трудоемкая и кропотливая работа, но ему были чужды такие качества, как жадность, корысть. Карпов относился к такой категории руководителей, которые меньше всего заботились о личном благе и саморекламе. И больше всего — о людях, с которыми он работал и жил.

За весь период времени, проведенный в этом коллективе, мне довелось увидеть только его самые лучшие человеческие качества — доброта, требовательность, такт, чуткость, сострадание. Благодаря этим качествам ему удалось открыть новых кавказоведов, которые успешно труятся на благо отечественного кавказоведения.

**Е.Л. Капустина, к.и.н., мнс отдела этнографии
Кавказа МАЭ РАН**

Юрий Юрьевич, как и подобает хорошему этнографу, много работал в поле. Большая часть его полевых выездов пришлась на Дагестан. Он начал работать там еще в 1981 г., достаточно регулярно выезжал в Дагестан на протяжении всех 1980-х годов, но в 1990-е годы, когда и северокавказский регион, и академические институты переживали непростые времена, поездки свелись к минимуму. В начале века опять появилась такая возможность, и в 2003 г. Юрий Юрьевич опять возвращается к практике ежегодных полевых выездов в республику. С 2004 по 2009 годы мне повезло ездить в Дагестан вместе с ним.

Органичное сочетание внимательности, доброжелательности и уважения к информантам, на мой взгляд, отличало стиль его полевой работы. При этом он не перегибал палку: не играл в нарочитое панибратство со своими информантами, сохраняя небольшую, но все же дистанцию. Карпов мог разговаривать с любым информантом на равных, не впадая в восторженное заискивание и одновременно не позволяя себе ни малейшей тени снобизма и «взгляда свысока». Интеллигентный стиль работы подкупал людей, и разговоры даже с теми, кто изначально не был готов давать интервью, всегда удавались. Многие, узнав от меня (Юрий Юрьевич никогда не бравировал должностями и регалиями), что перед ними доктор наук и автор множества монографий, всегда удивлялись его скромности и интеллигентности, неизменно повторяя «настоящий ленинградец!».

Он не навязывал свой стиль ведения интервью, не настаивал на исповедовании его теоретических позиций в работе. Но он настойчиво призывал к чуткости и уважению к той культуре, в которой приходится работать. Ему было важно не только понять, как устроено общество и какие винтики какую роль играют в этом сложном механизме. Не меньше он ценил возможность научиться любить эту культуру и, главным образом, людей, ее носителей. Любить и не быть высокомерным, а смотреть во все глаза, удивляться каждой мелочи и бесконечно задавать себе вопросы: почему так, откуда это здесь. Например, бродя по улочкам Махачкалы, он обращал мое внимание на знаменитые пристройки к многоквартирным домам, а также привычку махачкалинцев называть квартиру «секцией». Он задавал сам себе вопрос, почему пристройки так распространились тут, нет ли здесь какой-то связи с культурной спецификой региона, с этнографическими реалиями Дагестана сельского. И в результате он предложил в качестве интерпретации идею родства пристроек с системой организации традиционного горского селения, где дома, расположенные вплотную друг к другу, образуют единый монолит, где каждый дом является лишь частью общего архитектурного и социального элемента (см. об этом его работу «Взгляд на горцев, взгляд с гор»). Увидеть в повседневности очередную культурную загадку, быть чутким ко всем мелочам, но при этом не ограничиваться смакованием незначительных деталей и через них переходить к более серьезным обобщениям — вот то качество, которое он ценил в исследователях и которым, несомненно, обладал сам.

Юрий Юрьевич не просто изучал Дагестан — он его, безусловно, любил и считал своим. Настолько, что мог сокрушаться, если видел какие-то черты культурного упадка в обществе, поскольку не мог относиться ко всему происходящему равнодушно. Но при этом он как профессионал умел убрать личные эмоции на задний план и сосредоточиться на работе, понять и попытаться принять то, что по-человечески не очень нравилось, но привлекало его как исследователя. И он продолжал любить Дагестан, удивляться и восхищаться им, несмотря ни на что.

И эта любовь и принятие были, безусловно, взаимны. Его любили и любят в горах, им восхищаются и ему благодарны за его труды и за его искреннюю симпатию к Стране гор, его учеников с легкой руки местного журналиста некоторые звали «карпятями».

И на его уход Дагестан откликнулся шквалом звонков и писем с сообщениями и эмоциональными сожалениями об утрате того, кто так чутко и профессионально изучал, так тонко понял и так просто и ясно рассказал про социокультурные феномены этого яркого и сложного региона. «Мы так благодарны ему, мы многое узнали про себя и свою культуру из его книг», — мне часто приходится слышать такие отзывы дагестанцев. Это не официальные фразы из залов и кабинетов, а простые и искренние слова людей, живущих в горах и на равнине, в селах и в городах, всех, кто помнит его, разговоры с ним, кто читает его книги и вдохновляется ими, кто благодарен ему за его работу. Эта благодарность — лучшая регалия, лучший орден, который может получить этнограф в той среде, которую изучает. Горцы, на которых взглянул Юрий Карпов и о которых рассказал и им самим, и всем прочим, обладают хорошей памятью, пусть она будет ему вечным памятником и вечным образцом для подражания последующим поколениям исследователей.

С.А. Штырков, к.и.н., снс отдела этнографии Кавказа МАЭ РАН

Юрий Юрьевич привел меня в отдел этнографии Кавказа и в кавказоведение — страну, в которой он жил и которой, пожалуй, владел. В течение почти пятнадцати лет мы работали в одном отделе, объединенные рутинной заполнением планов и написания полных торжества отчетов. Признаюсь, все это время мне редко приходилось задумываться о масштабе личности Ю.Ю. Карпова. Он был моим начальником и коллегой, и единственное, что мне казалось в нем необычным, — это его работоспособность, которой я дивился и завидовал.

Однако, приезжая на Кавказ, я начинал понимать, с кем мне довелось работать в одном кабинете. Много раз в разговорах с коллегами, называя место своей службы, я слышал в ответ: «Так Вы с Карповым работаете! Как Вам повезло». Карпова знали абсолютно все, кто имел хоть какое-то отношение к изучению истории и культуры Кавказа. Его ценили, им восхищались. Лучшим подарком, который я мог привезти из Петербурга, были книги, написанные Юрием Юрьевичем, тираж которых давно разошелся. Хорошо помню, как во Владикавказе я услышал слова, полные одновременно удивления и пиетета: «Карпов понял нас, кавказцев, лучше нас

самих». Как будто речь шла о чудотворении. Теперь я понимаю, насколько правдивыми было это замечание, оброненное, кстати говоря, в разговоре о том, что книги Юрия Юрьевича нельзя в институте оставлять без присмотра — обязательно кто-нибудь присвоит.

Е.Ю. Захарова, лаборант отдела этнографии Кавказа, МАЭ РАН

Будучи руководителем коллектива исследователей, имеющих разные интересы и, по сути, принадлежащих к разным школам, Ю.Ю. Карпов признавал право на существование любых тем и подходов, независимо от того, близки они ему или нет. Он никогда не пытался повлиять на исследования коллег, но всегда был готов посоветовать литературу, материалы или дать контакты, сам предлагал такого рода помощь.

Он был авторитетом и ориентиром, образцом для подражания для многих своих коллег, вдохновил к изучению Кавказа не одного начинающего исследователя.

Скрупулезно выверяя фактическую и аналитическую составляющие исследования, Ю.Ю. Карпов уделял особое внимание и его форме. В работе этнографа, в создании текста для него была важна литературная, писательская составляющая, он рассказывал, что часто тратит непропорционально большое время на поиск нужного слова или оборота, нередко даже предлагал коллегам оценить тот или иной вариант формулировки.

Его работы, изобилующие объемными цитатами и множеством ссылок, не предлагающие однозначных ответов или броских фактов, далекие от научно-популярного жанра, оказываются в роли настольных книг, в том числе и у читателей, не связанных с академическим миром. Тексты Ю.Ю. Карпова как бы исподволь, страница за страницей выписывают сдержанную красоту мира Кавказа, его ненарочитую поэтику, умение увидеть и показать которую — неоспоримая заслуга Ю.Ю. Карпова как писателя.

Ю.Ю. Карпов справедливо считал, что для того, чтобы писать о том или ином регионе Кавказа, необходимо представлять себе весь спектр многообразия и в то же время единства этой горы языков и культур. Он одинаково хорошо ориентировался и в полевых реалиях региона, и в архивных и иных исторических источниках, являя образцовый пример исследователя российской этногра-

фической школы, традиции которой были заложены В. Богоразом и Л. Штернбергом. Свобода скольжения как по диахронному, так и синхронному срезу изучаемой культуры и общества придает его исследованиям глубину, которая может служить ориентиром для социальных исследователей сегодня и в будущем.

**З.М.-Т. Дзарахова, д.и.н., зам. директора по научной работе
Ингушского научно-исследовательского института
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева**

С Юрием Юрьевичем Карповым я познакомилась летом 2009 г. Юрий Юрьевич находился в служебной командировке в Махачкале. Нас познакомил наш общий друг и коллега Магомедхан Магомедханович Магомедханов. В кругу ученых-этнографов Ю.Ю. Карпова знали все. Или почти все. Знали как последовательного и требовательного ученого-кавказоведа.

Для меня это было временем переживаний и ожидания. Мне предстояло сделать перезащиту докторской диссертации «Этнокультура как основание формирования национального самосознания ингушей» в отделе Кавказа Кунсткамеры (МАЭ РАН), который возглавлял он. Потому мне важно было знать мнение Ю.Ю. Карпова как эксперта и ученого-кавказоведа о своей работе.

Передо мной сидел мягкий в общении интеллигент и ученый до мозга костей. Это впечатление буквально врезалось в сознание с первых его слов.

Юрий Юрьевич знал содержание моей докторской диссертации. Дипломатически, но конкретно и точно указал он на сильные и слабые стороны моей работы. Отметил значительную работу, проведенную мной по сбору полевого этнографического материала и введенного в научный оборот, отметил исторический ракурс, касающийся истории ингушей, дал рекомендации к защите и наставления, из которых было ясно, что предстоит серьезная работа. Качественное содержание исследований Ю.Ю. Карповым всегда ставилось во главу угла. И этим он вызывал глубокое уважение.

Вопросы во время защиты докторской диссертации ставились довольно жесткие. Время голосования членов Диссертационного совета, мне казалось, длилось целую вечность. И когда в результате голосования (3 голоса против) мне была присвоена ученая степень

доктора исторических наук, Юрий Юрьевич радовался как собственному успеху.

Перед тем как уехать из Санкт-Петербурга, я еще несколько дней приходила в отдел Кавказа. За время нашего общения он делился некоторыми идеями, проектами, задумками, к которым и сегодня невольно обращаешься в процессе работы.

Не раз, возвращаясь в мыслях в то время, благодарю судьбу за то, что знала Юрия Юрьевича Карпова, и сегодня его книги вновь и вновь открываю с благоговением и доброй памятью!

З.У. Махмудова, к.и.н., доц. кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

С Юрием Юрьевичем я виделась несколько раз в Санкт-Петербурге, когда приезжала в Кунсткамеру на Кавказский семинар. Коллеги и в Москве, и Питере глубоко уважали и любили его, всегда тепло о нем отзывались, и поэтому я еще до встречи с ним как-то заранее ему симпатизировала.

В то время отдел Кавказа, которым он руководил, как оказалось, был расположен в странном месте — на галерее зала с известной коллекцией Петра I (зрелище, как говорится, «на любителя»), фактически под потолком. Зато из окон открывался прекрасный вид на Неву и здание Эрмитажа. Кроме того, можно было любоваться люстрой, освещающей зал с неожиданного ракурса, — для зрителя она оказывалась где-то внизу. А Кавказский семинар проходил, наоборот, на цокольном этаже музея. Даже в Санкт-Петербурге дихотомия верх — низ, горы — равнина не оставляла кавказоведов. Атмосфера в отделе Кавказа, которым он руководил, была очень комфортная, теплая и поэтому творческая и рабочая. Как бы ни ругали «москвичей» жители Северной столицы, встречают они гостей всегда хорошо и всегда готовы помочь. Мы (со своим московским простодушием) этим с удовольствием пользуемся и, откровенно говоря, любим приезжать к коллегам в Питер.

Первое впечатление от встречи с Юрием Юрьевичем осталось со мной навсегда — он был молодой и жизнерадостный мужчина. А между тем тогда (в 2012 г.) он был уже известным ученым, автором монографий, одним из ведущих специалистов-кавказоведов. Вместе с тем Юрий Юрьевич в общении держался не как начальник или наставник, а скорее как товарищ, коллега, человек, который сделал

и знает значительно больше тебя, но как будто не замечает своих достижений и считает, что все самое главное еще впереди. Юрий Юрьевич проявлял искренний интерес к самым разным вопросам науки и с удовольствием включался в обсуждение докладов участников семинара. Энтузиазм исследовательского поиска всегда отличал сотрудников отдела Кавказа Кунсткамеры.

Мне кажется, что направление исследований этого отдела дает яркий пример эволюционного и целенаправленного развития науки. Этнографические изыскания, интенсивная полевая работа при этом здесь всегда сочетались с аналитической интерпретацией материала, новыми исследовательскими подходами, изучением современных процессов в регионе. Можно без преувеличения сказать, что работы сотрудников отдела в значительной степени «задавали тон» в кавказоведческих исследованиях последних 20 лет. И это в немалой степени заслуга Ю.Ю. Карпова как руководителя подразделения.

Студентам в Москве я всегда говорю, что кавказоведом быть легко и интересно потому, что Кавказ — уникальный регион, он дает материал для того, чтобы подтвердить любую теорию и ее же опровергнуть. Эта особенность, возможно, послужила причиной того, что в среде кавказоведов принято уважать предшественников и взвешенно относиться к новым теориям. Школа отечественного кавказоведения сохраняет преемственность и традиции — нам есть у кого учиться и на чьи работы ссылаться. Среди этих имен навсегда останется имя Юрия Юрьевича Карпова.

**В.А. Дмитриев, д.и.н., нс главной категории отдела
этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана
Российского этнографического музея**

Сотрудничать и дружить с Юрой Карповым мы начали где-то с середины 1980 годов. Обращались друг к другу, как это было принято у русских мастеровых, «на ты», но по имени-отчеству. Сближал нас интерес к проблемам кавказоведения, как-то быстро наладилась совместная работа в том, что требовало взаимодействия наших учреждений, для РЭМ часто требовались заключения на приобретаемые вещи, и Юра никогда не отказывал нам в таких работах. Часто мы вместе рассматривали вещи из собраний РЭМ и Кунсткамеры по этнографии Кавказа, обсуждали участие в конференциях и кол-

лективных монографиях, принимали приезжавших гостей, иногда вместе гуляли по историческим достопримечательностям города, ощущая себя настоящими петербуржцами, спорили на ходу. В 1990 годы Юра здорово помог в полевой работе на Кавказе, пригласив участвовать в нескольких грантах. В свою очередь, я привлек его к работе над грандиозным проектом, который вел и ведет Яков Аркадьевич Гордин, главный редактор журнала «Звезда», по изучению кавказской войны XIX в. и использованию полученного в результате военных действий на Кавказе исторического опыта.

Эта тема в начале 2000 годов привела нас к участию в нескольких конференциях, на которых собирались ученые разных стран, чтобы обсудить возможности ресурсов традиционализма в прекращении конфликтов на Кавказе. Пиком в этом направлении был 2004 г., когда на встрече в Тбилиси было решено создать Институт народов Кавказа. Предполагалась, что его возглавит сильный грузинский этнограф Лия Шалвовна Меликишвили, Юрий Юрьевич Карпов и Николай Михайлович Гиренко должны были возглавить его российское отделение, мне предлагалось стать редактором журнала. Статьи для журнала мы собирали вместе, но смогли выпустить только один номер, т.к. весь проект быстро лишился финансовой поддержки спонсора.

Мы все время собирались вместе поехать в экспедицию на Кавказ, я более рвался в Дагестан, который был, если можно так сказать, «этнографической полевой вотчиной» Ю. Карпова, но таким планам не было суждено осуществиться. Зато мы вместе поехали в декабре 2004 г. в Афганистан. Для Ю. Карпова это была вторая поездка, после выезда с заведующим русским отделом РЭМ Дмитрием Александровичем Барановым, и Юра уже мог что-то показать мне на правах бывалого путешественника.

Целью нашей поездки было провести подготовительную работу для создания в Герате, одном из красивейших городов Востока, Этнографического музея народов Афганистана, образцом был избран Российский этнографический музей и российские музееведческие подходы. Местом для будущего музея должно было стать здание городского водохранилища, построенное в XIV в., для которого предстояло спроектировать внутреннее наполнение. Все архитектурные работы брал на себя фонд Ага-хана, крупнейшее учреждение в области сохранения наследия культуры исламских народов. Мы встречались с представителями фонда

и высказали им наши представления о будущей конструкции музейного здания.

Водохранилище находится в центре города, недалеко от одной из самых крупных мечетей Герата, большого базара и большинства торговых и ремесленных лавок. На четыре стороны от здания отходили крытые галереи в несколько этажей, где таких лавок было особенно много, что сразу зародило мысль об их использовании в качестве действующей части музея. Также естественным образом в комплекс вписывались пекарни и дуканы. Надо сказать, что нас поразила живость и яркость этнографических реалий Афганистана и Герата в частности. В открытых и полузакрытых помещениях, подвалах, под открытым небом обтесывали каменные стелы, ковали серебро и гранили полудрагоценные камни, кроили кожу, пекли хлеб, стригли и брили мужчин, все проделывалось вручную и явно по традиции. Проходили женские фигуры, с ног до головы закрытые паранджой, из под которой выглядывала совсем небедная обувь, и собирались группами мужчины, в одежде которых было совсем немного европейских признаков. Здесь явно было удачное место для полевой работы этнографов и место «головной боли» для тех, кто собирался строить этнографический музей, т.к. большинству афганцев было неясно, зачем собирать в музей то, что и так присутствует в изобилии вокруг. От нас требовалось не только представить проект концепции музея, но и доказать его общественную важность, что было первой темой в беседах и с «отцами города», и первыми встречными.

Следует сказать, что встреч на улицах было много. Для тех людей, которых мы видели, характерно большое чувство собственного достоинства, и они никогда не позволяют себе откровенно глазеть на гуляющего европейца, но, стоило только обратиться к одному из гератцев, как вокруг с бездной вопросов собиралась большая группа мужчин и начинался долгий и интересный разговор. Из поднимаемых тем явственно следовало, что у наших собеседников нет зла на русских за афганскую войну и есть будущее для сотрудничества наших народов. Мы совершенно свободно передвигались по городу, и даже только задним числом узнали о военных столкновениях неподалеку от места нашего жилья.

В число наших задач входила не только просветительская работа. Нам предстояло оценить перспективы полевой собирательской деятельности в Афганистане этнографа, для чего мы не только

посещали ремесленные лавки, но и выезжали в села к таджикам, туркменам, курдам, местным ремесленникам и земледельцам. В хозяйстве последних поразил полный набор традиционных орудий труда, вплоть до молотильной повозки древневосточного типа. Мы также застигли общину кочевников на месте их сезонной стоянки и были поражены, узнав, что их общество состоит из двух постоянно объединенных этнических групп — пуштунов и белуджей. Собранная небольшая коллекция этнографических предметов теперь хранится в РЭМ, а один из ковров, парный привезенному в Петербург, был нами подарен Герату как первый экспонат для готовящегося музея.

Первые дни с нами работала съемочная группа российского телевидения, которую курировала пресс-секретарь РЭМ Инна Карпушина, главным лицом группы была Салема Зариф, которая в Герате разыскала родственником. Наше посещение их дома стало частью изучения традиционного быта горожан.

Вспоминая работу в Герате в конце 2004 г., необходимо почтить память еще одного моего друга, тоже ушедшего из жизни, Сергея Жаниевича Давитая, материально помогшего с обеспечением поездки и впоследствии еще неоднократно поддерживавшего работу РЭМ.

Р.А. Дажил-Ходжа, соискатель отдела этнографии Кавказа МАЭ РАН

С Юрием Юрьевичем Карповым меня познакомила мой научный руководитель Макка Султан-Гиреевна Албогачиева в осенью 2012 г. С тех пор, поднимаясь в отдел Кавказа Кунсткамеры, я, прежде всего, искала взглядом Юрия Юрьевича. Сидит ли он там, в самом конце длинной галереи, за большим старым столом перед окном с видом на Неву? Юрий Юрьевич представлял собой точный образ петербургского интеллигента из академической среды с присущей ей культом аскетизма и простоты, что позволяет любому, попавшему в нее, почувствовать себя равным. Понимая, что он очень занят, я старалась скромно издала поздороваться, но он всегда вставал и подходил ко мне, помогал снять пальто, справлялся о том, как идут дела. Он был очень притягательной, харизматичной личностью. У меня всегда была возможность общаться с ним по мере необходимости и получить профессиональный совет.

Помню, как однажды, когда я только начала писать свою работу и много не понимала, он сказал мне: «Самое главное в науке — чтобы был драйв, чтобы Вам хотелось сделать нечто интересное. Тогда всё получится». Я и сейчас часто вспоминаю эти слова.

Являясь автором многих монографий, он имел свой отработанный научный стиль, читать их было так увлекательно и интересно, что не невозможно было оторваться! Он подарил мне одну — это всё, что у меня осталось на память о нем. Летом я купила в подарок Юрию Юрьевичу футболку с его любимым изображением волка на груди, а подарить не успела...

**О.С. Павлова, к.пед.н., доц. кафедры этнопсихологии
и психологических проблем поликультурного образования
Московского городского психолого-педагогического
университета**

С Юрием Юрьевичем я познакомилась в 2010 г., когда впервые по приглашению Макки Султан-Гиреевны Албогачиевой приехала на Лавровские чтения в Санкт-Петербург. Юрия Юрьевича я знала по его работам, бесконечно уважала и восхищалась глубиной и размахом его северокавказских научных изысканий. Безусловно, перед ученым такой величины я испытывала благоговейный трепет. С первых же минут знакомства меня поразила его простота в общении. Он был не только очень доброжелателен, но и очень внимателен. Его отличал чуткий интерес к исследованиям и самим исследователям, колоссальная жажда жизни, обаяние и жизнелюбие. Очувтившись в доброжелательной атмосфере отдела Кавказа, в атмосфере радушного приема, оказанного мне его руководителем и сотрудниками, я стала ежегодно участвовать в Лавровских чтениях, что, безусловно, сыграло большую роль в моем становлении как исследователя.

Неожиданной и приятной стала наша встреча с Юрием Юрьевичем «в поле»: судьба свела нас во время исследований в Карачаево-Черкесии. Мы случайно встретились в Черкесске в Карачаево-Черкесском институте гуманитарных исследований. В более чем скромной обстановке НИИ, располагавшемся в старинном, аварийном здании музея, Юрий Юрьевич был, как всегда, рад новой встрече, возможности пообщаться, обменяться впечатлениями по исследованиям на Северо-Западном Кавказе. Будучи ученым с мировым именем, он общался как с равными с коллегами любого воз-

раста и статуса. Всегда был очень внимателен: на протяжении пяти лет нашего знакомства ко всем праздникам от него приходило теплое поздравление. Видеть в почте его письма всегда было приятно и каждый раз удивительно.

Таким Юрий Юрьевич и останется в памяти: доброжелательным, открытым, внимательным, готовым к наставничеству, общению и сотрудничеству...

В.А. Прищепова, к.и.н., снс отдела этнографии Центральной Азии МАЭ РАН

Познакомилась мы с Юрой, когда он появился в отделе Средней Азии, Казахстана и Кавказа в форме офицера Советской Армии. После окончания истфака Карпов, как все наши мальчики, ставшие артиллеристами на обязательной в те годы военной кафедре, служил под Выборгом. В то время он часто приезжал в отдел к своему будущему научному руководителю известному кавказоведу Леониду Ивановичу Лаврову. Лавров был легендарной личностью, талантливым исследователем, стать аспирантом которого мечтали многие, человеком эмоциональным. Юра заходил в наш кабинет всегда с улыбкой, вежливый и подтянутый. Как-то после очередного визита Карпова Лавров, видимо, переполненный впечатлениями, вышел из своего кабинета в наш, большой, и с чувством объявил, что этот молодой человек после армии будет нашим аспирантом, что он ода-рен и его ждет большое научное будущее.

После своих первых экспедиций на Северный Кавказ Юра привозил коллекции для музея, выступал с сообщениями о поездках, писал и обсуждал в отделе статьи по этим материалам. Его статьи появлялись часто, их тематика менялась. После начала учебы в аспирантуре Карпов быстро написал диссертацию, защитил ее. Тогда я первый раз увидела его молодую маму, на которую так поразительно был похож Юра.

Юра запомнился как очень любезный, приятный во всех отношениях человек, целующий руку даме во время приветствия, с обязательным комплиментом. Хотя при этом чувствовались не только его доброжелательность и воспитанность, но и какая-то твердость мужского характера. Примером может служить случай совместного посещения нашей «академички», столовой, дверь которой располагалась рядом с входом в музей. Отдел в те годы был

большим, молодежь в нем была, и мы вместе бегали обедать. Столовая была популярна, там бывало обычно много народу, столы были заняты, использованную посуду не успевали убирать. Войдя в зал и оглянувшись кругом, Юрий Юрьевич обратился к нам: «Ну-ка, девочки, посмотрите, сесть некуда, быстро убрали все!». Мы с удивлением переглянулись, но от неожиданности перетаскали грязную посуду со стола и при этом поняли, что Карпов может быть очень требовательным.

В 1970-е годы в Академии наук возник молодежный жилищный кооператив. У нас в несколько человек откликнулись на это предложение. Желаящие получить квартиру года на два переходили на стройку. Когда Юра вернулся в отдел и стал обладателем большой квартиры в дальнем необжитом тогда районе улицы маршала Жукова, он пригласил нас на новоселье.

Мы всем отделом собрались с цветами и подарками на станции метро «Автово», т.к. никто не знал, куда точно надо дальше ехать. Как-то добрались до улицы Жукова и увидели стоящий вдали огромный многоэтажный дом, по нашим представлениям, тот, который нам был нужен. Мы знали адрес, номер подъезда, но где был вход в дом, с какой стороны надо было пустырями его обойти и пробраться во двор, чтобы в него зайти... В конце концов, найдя правильный путь, мы, замерзшие в холодную ветреную погоду, оказались в гостеприимном доме Карповых. Квартира была просторной, в большой комнате был накрыт огромный стол, из кухни тянуло вкусными запахами. Тогда у Юры и Оли была только маленькая Даша. Среди нас была Нуриля Шаханова, тоже выпускница кафедры этнографии, которая в настоящее время переехала в Казахстан. У нее обычно в гостях устанавливались особенные отношения с детьми. Даша не стала исключением. В дальнейшем, когда Нуриля получила комнату и мы были у нее на новоселье, Юра подарил ей свой раздвижной круглый стол, позже переданный Нурилей в отдел. Этот стол до сих пор там стоит.

С годами, особенно после смерти Лаврова, Карпов сформировался как ученый с определенным кругом научных интересов, со своими взглядами на развитие отечественного кавказоведения. Отделом заведовал в те годы Вадим Петрович Курылев, специалист по казахской этнографии. В беседах они обсуждали необходимость кадрового расширения среднеазиатской и кавказской частей отдела, но осуществить это было сложно.

Тогда и возникла идея разделения отдела на два: отдела Средней Азии и Казахстана и отдела Кавказа. Первое время как-то непривычно было считать «кавказцев» сотрудниками другого отдела. Прежде обсуждение статей и диссертаций по народам Кавказа в отделе расширяло профессиональные знания, давало возможность проводить аналогии с явлениями традиционной культуры народов Средней Азии и Казахстана. Но все понимали, что разделение отдела на два было единственным условием роста.

Отдел Кавказа получил светлый кабинет на третьем этаже, но, к сожалению, пробыл там недолго. Начался капитальный ремонт, и на годы отдел переехал на галерею рядом с отделом Средней Азии и Казахстана. В переезде отдела Кавказа было и положительное, наши контакты с сотрудниками стали чаще. К Юре всегда можно было подойти с любым вопросом, он всегда был готов помочь.

Вообще же Юра вспоминается как отзывчивый, прямой и доброжелательный коллега, он был не способен на подлые поступки. Как и Лавров, он был человеком широкой натуры, стал ведущим кавказоведом страны.

Юра ушел очень рано, как многое он мог еще сделать! У него были обширные научные планы. Один из его последних докладов, который мне довелось слушать, был построен на архивных материалах и данных периодики 1920–1930 годов. Он привлек значительное количество новых источников, которые его увлекали и могли продолжиться в новых изысканиях.

А.Х. Абазов, к.и.н., зав. кафедрой отечественной истории и этнологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

С научными работами Ю.Ю. Карпова я начал знакомиться еще в годы обучения в аспирантуре Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Когда искал сравнительно-исторический материал по соционормативной культуре кабардинцев для подготовки кандидатской диссертации, часто обращался к его обстоятельным исследованиям по этнографии народов Дагестана. С тех пор держу их на видном месте в своей библиотеке.

Спустя некоторое время мне посчастливилось вступить в переписку с Юрием Юрьевичем. Это случилось в 2008 г., когда я начал готовить к изданию сборник трудов Л.И. Лаврова по культуре абазин,

адыгов, карачаевцев и балкарцев. Тогда Юрий Юрьевич любезно предоставил полный список научных работ Л.И. Лаврова, что и послужило для меня основным ориентиром при сборе и обработке материалов для книги. Кроме того, Ю.Ю. Карпов дал ряд ценных советов и рекомендаций в ходе написания вступительной статьи к сборнику.

Первая моя встреча с Ю.Ю. Карповым состоялась осенью 2012 г. в Ростове-на-Дону, когда мы принимали участие в работе международной научной конференции, посвященной изучению истоков и современного состояния национальной политики и модернизации системы управления на юге России. Юрий Юрьевич тогда работал в составе президиума конференции и выступал с докладом на пленарном заседании.

Спустя некоторое время Ю.Ю. Карпов посетил Нальчик для работы в архивах Кабардино-Балкарии. В свободное от работы время мы много общались. Мне даже посчастливилось организовать для него экскурсию по некоторым достопримечательностям Кабардино-Балкарии. Также обсуждали и различные научные проблемы. Я буду еще долго помнить те ценные советы и рекомендации, которые Юрий Юрьевич высказывал в адрес моей исследовательской работы. Это были советы настоящего ученого, опытного руководителя и мудрого организатора науки.

Сложно осознать, что Ю.Ю. Карпова уже с нами нет. Это невосполнимая потеря для всего исследовательского сообщества. Его научные труды пополнили золотой фонд отечественного кавказоведения. Для меня Юрий Юрьевич — настоящий образец служения науке.

Л. Меликишвили, д.и.н., член-корреспондент Национальной академии наук Грузии, Л. Джаниашвили, д.и.н., внс отдела этнологии Кавказа Института истории и этнологии им. И. Джавахишвили Тбилисского государственного университета, Н. Джалабадзе, д.и.н, снс отдела этнологии Кавказа Института истории и этнологии им. И. Джавахишвили Тбилисского государственного университета

В молодости Юрий Карпов неоднократно бывал в Грузии. Большой популярностью среди специалистов пользовались его труды на тему Кавказа, однако грузинская научная общественность лично познакомилась с ним не так давно — в 2003 г. Основание

в Тбилиси Международного научно-исследовательского института народов Кавказа дало толчок активизации довольно ослабленным к тому времени грузино-русским научным контактам. Под эгидой этой организации (МНИИНК) было организовано несколько научных конференций, основан журнал «Адат», членом редколлегии которого являлся Ю.Ю. Карпов и в котором была опубликована его статья «Портрет современного джигита глазами этнографа». Еще тогда в частных беседах Юрий Юрьевич высказывал мысль о том, что было большое желание и возможность усилить в Петербурге школу картвелологии, что частично и было осуществлено.

На следующей встрече — на Батумской конференции 2011 года — он был уже вместе со своими учениками. Юрий был восхищен произошедшими в Грузии позитивными изменениями, обновленным Батуми. В течение недели вместе со своими коллегами он посетил множество исторических памятников на территории Аджарии и Грузии в целом.

Особенно нас сблизили вечерние беседы за ужином, касавшиеся как чисто научных вопросов, так и человеческих отношений. Юрий поражал нас своим всесторонним знанием о Кавказе и Грузии в частности. Велика его заслуга в поддержании грузино-русских научных взаимоотношений, что выразилось в опубликовании трудов грузинских ученых в русских научных журналах. Продолжением этих связей можно считать сборник Батумской международной конференции, в который вошел весьма интересный труд Юрия Юрьевича «The dialectics of Nation-state construction in the North Caucasus in the 1920s–30s».

В 2014 г. он в последний раз посетил Тбилиси. Несмотря на занятость, он не забыл повидать своих старых друзей. Мы, грузинские коллеги Юрия Карпова, всегда будем вспоминать блестящее, утонченное чувство юмора, отличавшее этого замечательного профессионала, и тот вклад, который он внес в дело сохранения грузино-русских научных контактов.

**Д.Н. Прасолов, к.и.н., доц., зав. сектором этнологии
и этнографии Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований**

Книга «Джигит и волк» стала первой работой Ю.Ю. Карпова, с которой я познакомился. Книга удивительным образом казалась

сложной по содержанию и интригующей по манере изложения и при этом пестрой и завораживающей многообразием аргументов, аналогий и интерпретаций. Раскрывая явные и тайные смыслы мужского мира традиционной культуры народов Северного Кавказа, автор выявил множество особенностей политической культуры горцев, особенно актуальных для современного российского читателя, немало способствуя пониманию проблем постсоветского Кавказа.

Не меньшим пониманием кавказской специфики отличался его мужской взгляд на «Женское пространство в культуре народов Кавказа» (2001). Эта книга, безусловно, оказала значительное влияние на активизацию региональных гендерных исследований.

Стоит ли удивляться, что на IV конгрессе этнологов и антропологов в Нальчике в сентябре 2001 г. Юрий Юрьевич представлялся уже культовой фигурой современного кавказоведения и вызывал неподдельный интерес региональной научной общественности. При этом он оказался открытым и щедрым на общение человеком и ученым, что впоследствии неоднократно подтверждалось на конференциях в Караеавеске и Ростове-на-Дону, в ходе его научных командировок в Нальчик.

Конечно, особым вниманием Ю.Ю. Карпова пользовался Дагестан, которому посвящены его важнейшие монографии «Взгляд на горцев. Взгляд с гор...» (2007) и «Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века». (2011, в соавторстве с Е.Л. Капустиной). В них он еще глубже раскрыл свое мастерство исследователя и рассказчика, создающего поистине эпические этнокультурные полотна об удивительных способностях горцев к адаптации своего традиционализма к меняющемуся социально-политическому контексту. Эрудиции и научному кругозору Ю.Ю. Карпова было тесно даже в многоликом Дагестане, и монографии о нем стали непревзойденным образцом глубокого понимания сущности всего кавказского общества.

Талант Юрия Юрьевича проявился не только в авторстве великолепных новаторских исследований, но и в роли редактора-составителя тематических научных сборников, выход каждого из которых становился заметным событием в кавказоведении: «Традиции народов Кавказа в меняющемся мире» (2010) и «Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа» (2012).

Интенсивность, с которой выходили работы Ю.Ю. Карпова в последнее десятилетие, свидетельствовала о великолепной научной форме, в которой он находился как исследователь и организатор. Остается только с сожалением предполагать, как много он оставил в замыслах и в полной мере не успел передать свой разносторонний опыт, которым так щедро делился с молодыми коллегами.

Книги и статьи Юрия Юрьевича Карпова обязательны к прочтению и любому человеку, не обязательно специалисту, у кого возникнет необходимость составить представление о Кавказе. Его работы, насыщенные живыми и объективными образами, актуальными вне времени и пространства, стали энциклопедией кавказского общества, традиционного и современного, сформировав новую традицию в кавказоведении.

**Л.Ф. Попова, внс, зав отделом этнографии
народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
Российского этнографического музея**

Уход Юрия Карпова стал для его друзей и коллег из Российского этнографического музея большим потрясением, которое еще далеко не изжило себя и вряд ли будет изжито когда-либо. Посвящая его памяти несколько строк, я обращаюсь к нескольким эпизодам своей жизни, которые благодаря Юрию Юрьевичу стали значимыми и добавили прошлому плотности и своеобразного колорита. Большое спасибо тебе, Юра, за это. Наша дружба обрела почву в 1995 г. — тогда я первый раз выступила с докладом на Лавровских чтениях, и надо ли говорить, сколь велико было мое волнение. После заседания Карпов отпустил мне такую порцию комплиментов, что, в принципе, я вкушаю ее до сих пор. Его равнодушие, любезность, щедрость на похвалы, желание сказать что-нибудь лестное, особенно дамам, всегда отличало Юрину манеру общения, а мимолетную встречу делало забавной и приятной. Он никогда не ленился поздравить с днем рождения или с праздником, его сообщения в памяти телефона составили целый «томик». Грустно, что он уже не пополнится.

С годами общий круг друзей и коллег, кафедральное «родство», общее дело, личная приязнь сделали нас не только соратниками, но своего рода побратимами с чувством общей судьбы. Этот органичный фон определял весь спектр общения с Юрием Юрьевичем —

дела решались легко и быстро, да и проблемами он никогда не обременял, поскольку как хороший руководитель и настоящий лидер увлекал только собственным примером. Мы в РЭМ были рады подставить ему плечо при подготовке Лавровских чтений в 2009 г., когда отмечалось 100-летие Л.И. Лаврова: открыли конференцию на своей площадке, подготовили выставку «Эпиграфика в памятниках традиционной культуры Кавказа», организовали экспозицию «Народы Средней Азии и Казахстана». Юра очень волновался в тот день, потому что, как мне кажется, переживал степень своей ответственности за продолжение дела Л.И. Лаврова. И как эмоциональная личность, пожалуй, даже перегорел.

Меня всегда поражала колоссальная трудоспособность Ю.Ю. Карпова, которая зиждилась не только на чувстве долга, но на подлинной увлеченности наукой и постоянной жажде истины его оригинального творческого ума. Каждый год Юрин доклад на Лавровских чтениях становился событием, что и не мудрено: ему было по силам приподнять свои деяния над обыденностью и перевести в регистр праздника, осмысленности, своего рода бескорыстного дара. Он умел выстроить драматургию доклада, когда у слушателя даже слегка перехватывало дыхание, и такие минуты нельзя вспоминать без восхищения. Таким мне показался доклад о разделении ритуального годичного календаря народов Дагестана на мужскую (весеннюю) и женскую (осеннюю) фазы — ясно, доказательно, образно, талантливо.

Общий масштаб личности Юрия Юрьевича — свободной, артистичной, неформальной — определял его значимость в любом обществе, будь то многолюдные заседания или маленькая дружеская компания. Высокий уровень его образованности, эрудиции, культурных интересов делали его замечательным собеседником. Кроме того, он всегда был открыт для проявления чувств, обмена чем-то допустимо сокровенным, не стеснялся сентиментальности. В день его рождения в 2013 г. после небольшой посиделки мы вышли во двор Кунсткамеры, и Юра рассказывал о старых друзьях-деревах этого двора, о своей кошке Норе, которая вдохновила автора на написание бестселлера «Женское пространство в культуре народов Кавказа», о питерском лете и дачном хозяйстве... Говорят, он и готовил хорошо.

Юра мог быть только ленинградцем, петербуржцем. Его знание города было редким для непрофессионала, хотя как настоящую

любовь он его не афишировал. Мой сегодняшний интерес к Петербургу в немалой степени сформирован Ю. Карповым, и это еще одна грань благодарности моему другу. Пусть родной город хранит в своей фантастической ауре память об этом человеке, идущем туманным утром через Дворцовый мост на работу.

**Е.Я. Селинenkova, к.филос.н., доц. кафедры
этнокультурологии Российского государственного
педагогического университета им. А.И.Герцена**

Поэты в России умирают рано. Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут, — написал Николай Некрасов. Эта довольно распространенная среди гуманитариев мысль коснулась не только поэтов, но и в последние десятилетия целого поколения этнографов. Погиб Н.М. Гиренко, в экспедиции пропал С.В. Дмитриев, не стало Г.Н. Симакова, А.В. Коновалова, Е.А. Глинского. И вот в сентябре новая утрата — Юрий Юрьевич Карпов. Все молодые, полные сил и творческих устремлений, плеяда ярких этнографов, посвятивших себя изучению Азии и Кавказа, неутомимых в экспедициях, искушенных в тех рискованных ситуациях, которыми изобилует дальняя дорога путешественников и исследователей, но не прошедших инициацию во вторую половину жизни. Чем ярче факел горит, тем быстрее выгорает.

В нелегкие для отечественной этнографии 1980–1990-е годы весной проходили конференции, в которых сильная группа ученых отчитывалась о проделанной за год полевой и исследовательской работе. Ю.Ю. Карпов уже в те годы становится одним из ведущих докладчиков и организаторов этих сессий. Это было время, когда шла интенсивная проработка принципов включенного наблюдения и мониторинга работы с информантами, требовавшими от исследователя виртуозного владения навыками полевика, свободной импровизации в контактах с людьми, быстрым пером литератора и ученого. А еще и качества кабинетного ученого, хорошего организатора и редактора. Эти навыки требовались для публикации первых печатных материалов в виде тоненьких книжек в мягкой сероватой обложке.

Передо мной лежит библиографическая редкость — «Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг.», вышедшая только в 1992 г. тиражом в 200 экземпляров усилиями тогдаш-

него заведующего отделом Средней Азии и Кавказа В.П. Курылева и ответственного редактора Ю.Ю. Карпова. В предисловии к сборнику последний пишет, что ответственным редактором сборника должен был стать Р.Ф. Итс. Но его неожиданная кончина стала причиной передачи ответственного задания его ученику — Карпову. Юрий Юрьевич подхватил инициативу вместе с эстафетой идеи сделать периодическое издание для оперативного ввода в научный оборот новейшей информации по этнокультурным и этносоциальным процессам, интенсивно проявлявшимся в этот переломный период.

Этому он преданно служил. Ежегодно проводятся в стенах Кунсткамеры Лавровские среднеазиатско-кавказские чтения. Затем публикуются сборники материалов и исследований, которые все-сторонне охватывают проблематику сложных цивилизационных процессов, происходящих в ответ на вызовы времени. Расширяется круг авторов, участвующих в проекте, все больше интересных докладов зачитывается на заседаниях, которыми опытной рукой вел их неизменный руководитель. Среди участников проекта авторы из многих республик, Москвы, ученики — студенты Юрия Юрьевича, коллеги из Кунсткамеры, РЭМ и других научно-исследовательских центров Петербурга. Естественно, искренне и непредвзято складывался под руководством Юрия Карпова научный центр, изучающий сложнейшие вопросы культуры Востока.

Весенний ветер перемен освежал музейную тишину Кунсткамеры, сегодняшние проблемы подвергались живому обсуждению. Юрий Юрьевич тактично и внимательно руководил чтениями, предоставляя возможность высказаться докладчикам, меняя регламент, давая аудитории удовлетворить интерес. Сам Ю.Ю. Карпов, будучи и прекрасным полевиком, и кабинетным ученым, написавшим ряд глубоких монографий, прекрасно понимал скрупулезность труда коллег и потребность в коммуникациях. Он следовал этике этнографа: «К людям, ради людей!».

**Л.Ф. Попова, внс, зав отделом этнографии
народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
Российского этнографического музея**

Уход Юрия Карпова стал для его друзей и коллег из Российского этнографического музея большим потрясением, которое еще

далеко не изжило себя и вряд ли будет изжито когда-либо. Посвящая его памяти несколько строк, я обращаюсь к нескольким эпизодам своей жизни, которые благодаря Юрию Юрьевичу стали значимыми и добавили прошлому плотности и своеобразного колорита. Большое спасибо тебе, Юра, за это. Наша дружба обрела почву в 1995 г. — тогда я первый раз выступила с докладом на Лавровских чтениях, и надо ли говорить, сколь велико было мое волнение. После заседания Карпов отпустил мне такую порцию комплиментов, что, в принципе, я вкушаю ее до сих пор. Его равнодушие, любезность, щедрость на похвалы, желание сказать что-нибудь лестное, особенно дамам, всегда отличало Юрину манеру общения, а мимо-летнюю встречу делало забавной и приятной. Он никогда не ленился поздравить с днем рождения или с праздником, его сообщения в памяти телефона составили целый «томик». Грустно, что он уже не пополнится.

С годами общий круг друзей и коллег, кафедральное «родство», общее дело, личная приязнь сделали нас не только соратниками, но своего рода побратимами с чувством общей судьбы. Этот органичный фон определял весь спектр общения с Юрием Юрьевичем — дела решались легко и быстро, да и проблемами он никогда не обременял, поскольку как хороший руководитель и настоящий лидер увлекал только собственным примером. Мы в РЭМ были рады подставить ему плечо при подготовке Лавровских чтений в 2009 г., когда отмечалось 100-летие Л.И. Лаврова: открыли конференцию на своей площадке, подготовили выставку «Эпиграфика в памятниках традиционной культуры Кавказа», организовали экспозицию «Народы Средней Азии и Казахстана». Юра очень волновался в тот день, потому что, как мне кажется, переживал степень своей ответственности за продолжение дела Л.И. Лаврова. И как эмоциональная личность, пожалуй, даже перегорел.

Меня всегда поражала колоссальная трудоспособность Ю.Ю. Карпова, которая зиждилась не только на чувстве долга, но на подлинной увлеченности наукой и постоянной жажде истины его оригинального творческого ума. Каждый год Юрин доклад на Лавровских чтениях становился событием, что и не мудрено: ему было по силам приподнять свои деяния над обыденностью и перевести в регистр праздника, осмысленности, своего рода бескорыстного дара. Он умел выстроить драматургию доклада, когда у слушателя даже слегка перехватывало дыхание, и такие минуты нельзя вспо-

минать без восхищения. Таким мне показался доклад о разделении ритуального годичного календаря народов Дагестана на мужскую (весеннюю) и женскую (осеннюю) фазы — ясно, доказательно, образно, талантливо.

Общий масштаб личности Юрия Юрьевича — свободной, артистичной, неформальной — определял его значимость в любом обществе, будь то многочисленные заседания или маленькая дружеская компания. Высокий уровень его образованности, эрудиции, культурных интересов делали его замечательным собеседником. Кроме того, он всегда был открыт для проявления чувств, обмена чем-то допустимо сокровенным, не стеснялся сентиментальности. В день его рождения в 2013 г. после небольшой посиделки мы вышли во двор Кунсткамеры, и Юра рассказывал о старых друзьях-деревьях этого двора, о своей кошке Норе, которая вдохновила автора на написание бестселлера «Женское пространство в культуре народов Кавказа», о питерском лете и дачном хозяйстве... Говорят, он и готовил хорошо.

Юра мог быть только ленинградцем, петербуржцем. Его знание города было редким для непрофессионала, хотя как настоящую любовь он его не афишировал. Мой сегодняшний интерес к Петербургу в немалой степени сформирован Ю. Карповым, и это еще одна грань благодарности моему другу. Пусть родной город хранит в своей фантастической ауре память об этом человеке, идущем туманным утром через Дворцовый мост на работу.

**Н. В. Кашовская, к. и. н.,
зав. отделом религий Востока ГМИР**

В моей жизни археолога-эпиграфиста и путешественника происходит немало встреч с самыми разнообразными людьми, чему в немалой степени способствуют обстоятельства нашей кочевой жизни. Но есть встречи особого рода, без которых свое последующее существование на земле уже невозможно представить. Три года назад и меня мой научный интерес привел на Университетскую набережную в Кунсткамеру, на семинар кавказоведов (насколько велико мое сожаление, что произошло это событие в моей жизни слишком поздно, осознаешь только теперь).

Меня встретил очень большой Человек, словно, гора в спокойной уверенности, с улыбкой счастья на лице — это был Юрий Юрье-

вич Карпов. Сразу, через несколько первых минут я попала под его обаяние. Потом от коллег я узнала, что ощущение пережили и чувствовали все, кто с ним работал, общался в течение долгих лет или же нескольких. Определив Юрия Юрьевича «горой», я имела в виду не только монументальность его фигуры, что само по себе верно, но и безусловный масштаб личности. Он очень живо отозвался на мой рассказ о только завершившейся поездке на Кавказ: почти ювелирная точность вопросов, комментарии на мои ответы открыли передо мной ученого, горячо любящего кавказский край, его шумные народы, их удивительные исторические судьбы, и за каждым рассказом стоял конкретный человек.

Он был ученой душой Кавказа, мне казалось, что знать Дагестан, его самые разные селения и города больше, чем знал Юрий Юрьевич, по-моему, просто невозможно. Он производил на собеседника впечатление такой яркой любви к этой удивительной земле, что самому хотелось принимать, понимать и любить Кавказ так же, как он сам. Всем своим существом Юрий Юрьевич болел за сохранение особой дагестанской самобытности, горского духа.

Больно говорить и писать о Юрии Юрьевиче Карпове в прошедшем времени. Весть о его смерти ко мне в холодный и тусклый сентябрьский день, 3 сентября. Она заставила сжаться до боли сердце, забиться мысли, что как мало пришлось знать этого светлого, доброго, мудрого человека и большого ученого. Его гражданская позиция, удивительная деликатность ученого и жизнелюбие — все говорит, что мы потеряли еще и выдающегося человека, Человека с большой буквы! Без него наш мир стал еще менее позитивным, менее ярким, менее добрым. И мои печальные слова как скромная дань любви и памяти замечательному Юрию Юрьевичу Карпову, человеку, чей уход всегда будет осознаваться мною как огромная утрата.